

Читайте также в серии
«Смерть в пионерском галстуке»:

Эльвира Смелик и Екатерина Горбунова
«Смерть в пионерском галстуке»

Эльвира Смелик и Екатерина Горбунова
«Пионерская клятва на крови»

Владимир Волков
«Темная флейта вожатого»

Ольга Кудрявцева и Елена Буланова
«Пионеры не умирают»

ОЛЬГА КУДРЯВЦЕВА ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

ПИОНЕРЫ НЕ УМИРАЮТ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К88

Кудрявцева, Ольга Александровна.

К88 Пионеры не умирают / Ольга Кудрявцева, Елена Булганова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Смерть в пионерском галстукe).

ISBN 978-5-04-229101-2

Лето 1980-го.

В пионерском лагере «Олимпиаец» по ночам частенько случаются «кошмарики» — рассказанные перед сном страшилки становятся реальностью! То безголовая медсестра ходит ночью по коридорам, то на окнах появляются черные занавески, предвещающие скорую гибель, то слышатся гитарные аккорды мертвого цыганского табора...

Но ужасы в стенах лагеря не так страшны, как секреты, которые он хранит с военных времен. Когда трое пионеров идут в поход к могиле солдата-красноармейца, чтобы почтить его память, по пути им мерещится, что кто-то следит за ними из-за кустов. Вскоре опасения подтверждаются: ребят начинают преследовать неизвестные. К тому же выясняется, что кто-то уже несколько ночей перекапывает берег озера у лагеря, словно в поиске клада.

Каждый шаг на пути к цели приближает пионеров к страшной тайне прошлого и... к собственной гибели.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229101-2

© Кудрявцева О., Булганова Е., 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается нашим отцам,
Александру и Дмитрию*

ГЛАВА 1

«ОЛИМПИЕЦ» — ЛАГЕРЬ НА КОСТЯХ

22 июня 1980 года, ровно 4 часа утра

«Война! Ой, мамочки, опять война!»

А что еще могло прийти в голову пионерке Рите Осиповой почти четырнадцати лет от роду, когда ранним утром задолго до подъема пыльно-желтая радиоточка на стене вдруг сама по себе пробудилась, откашлялась и браво гаркнула на всю комнату: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»? От страха тут же застывали пальцы, губы и даже, что всего противнее, кончик языка.

«Неужели на нас снова напали враги? Успеют ли всех ребят развезти из лагеря по домам? Вдруг уже бомбят Ленинград? А брат и отец уже воюют? Ой, нет, страшно, не хочу!»

За окном давно рассвело — белые ночи коротки, — но бледно-сизая дымка тумана тушила солнечные лучи, и это означало, что до сигнала горна к подъему остается несколько часов. Остальные девчонки в комнате беззаботно спали и плевать хотели на то, что радио так надывается. Только на соседней кровати Наташка Мекалева привсталала, опираясь на руки, охнула и помотала головой,

сияясь разлепить глаза. Но не сумела и так с закрытыми и спросила в пустоту:

— Что, очередной кошмарик? А в каком корпусе? Не в нашем же, нет?

Потом она сконцентрировала внимание на радио и расслабилась. Со вздохом облегчения она плюхнулась обратно и натянула подушку на голову, как капюшон.

Три проведенные в пионерлагере недели научили Риту спать вполглаза и вполуха в полной готовности к новой серии того, что сотрудники лагеря называли нейтральным словом «происшествие», а пионеры — «кошмариками». Она привыкла бояться и в то же время по-пионерски непримиримо осуждать себя за этот постыдный страх. Никогда прежде Осипова так часто не думала о пионерах-героях, а точнее, вообще о них не думала. Хотя исправно готовила доклады для сборов о Зине Портновой, о Коле Подрядчикове, о Вале Котике. И даже книгу в лагерной библиотеке взяла, читала тайком, чтобы не засмеяли. Она искала в себе то самое пионерское мужество, мечтала испытать его и вместе с тем считала дни до конца смены и каждый день загадывала: только бы ничего ужасного больше не случилось!

Последние несколько ночей выдались спокойными, и все быстро расслабились, выдохнули и забыли. Испытания подходили к концу... Но почему так громко орало это противное радио? Нужно было встать, подойти и выключить звук, иначе примчится вожатый Игорь и их же объявит виноватыми, а в наказание в очередной раз заставит приводить в порядок территорию лагеря. Рита мысленно рывкнула на себя: «Вставай, трусиха, ну же!»

Борясь с сонным оцепенением, она немного посидела на краю постели, поморгала и глубоко подышала, приводя себя в чувство, а после решительно спустила ноги на пол и натянула домашний халатик. Пальцы преврати-

лись в кисель, пуговицы почему-то отказывались лезть в родные петли.

Голыми ступнями Осипова прошлепала к окну, открытому настежь по случаю жары — на черные тучи зависших под потолком комаров уже давно никто не обращал внимания. Оперлась ладонями о подоконник, высунулась по пояс и глянула на небо — не летят ли там уже вражеские самолеты, как во всех фильмах о начале войны? Не летели. Зато было непривычно свежо, белесый солнечный диск над лесом безнадежно тонул в сугробах клубящихся облаков. Распевал беззаботно невидимка-соловей, деревья с легким скрипом разминали ветки, на газоне самозабвенно стрекотал кузнечик. Откуда-то ощутимо тянуло дымом, и это тоже было странно, тревожно.

«Не смей снова прятать голову в песок, ты же не страус!» — не преминула поддеть саму себя Рита. Никогда прежде она не бывала так строга к себе.

Радиоточку она выключила, но ее сестра-близнец продолжала орать в комнате мальчиков. Осипова на цыпочках вышла на крыльцо и с удовольствием ощутила ступнями гладкие доски. Они в начале смены холодили босые ноги, теперь же до утра сохраняли дневное тепло.

Но погода, похоже, менялась — девочка поежилась от озноба. Влажный туман висел на уровне верхних перил крыльца, она как будто стояла по пояс в облаке. На челке и ресницах тут же повисли микроскопические капли влаги.

Рита вздрогнула, обнаружив, что на мальчуковой части крыльца тоже кто-то стоит. Два боковых выхода из корпуса разделяла частая решетка из тонких, уложенных друг на друга по диагонали деревянных реек с большой нарисованной цифрой «1» — первый отряд. Чтобы увидеть, кто за ней находится, нужно было перевеситься через перила, но Рита медлила, осторожничала. А потом услы-

шала голос, от которого в груди и по щекам моментально разлился жар, а губы сами собой растянулись в улыбке.

— Привет! Тебя тоже разбудил этот дикий ор?

Здесь радио звучало приглушенно, а потом и вовсе стихло — кто-то из парней догадался выключить его, а может, просто чем-то швырнул в него. Рита ухватилась за перила, встав на самый край крыльца, а потом поджала одну ногу и повисла на руке. И едва не столкнулась нос к носу с висящим в такой же позе Димкой Васильевым. Ойкнула, чуть не свалилась. Димка тут же спрыгнул на землю и протянул руки, чтобы поддержать ее — реакция у него была отличная, как и положено спортсмену. Поманил пальцами, мол, прыгай, но Рита помотала головой — в траве у крыльца могли быть камни, а она босая. Не станет же Васильев носить ее на руках!.. А вдруг станет?

— Ну да, разбудил. Я дико перепугалась, — выдавила она, чувствуя, как лицо горит и полыхает почище пионерского костра.

Как же это неудобно — краснеть по любому пустяку!

— Ну эта побудка все же лучше многих, что у нас были, — хохотнул Васильев.

Рита удивилась, сообразив, что на нем пионерская форма, как перед линейкой. Галстук аккуратно завязан, на плечи наброшен верх от спортивного костюма.

— Ага. Но все равно жутко. Не знаешь, что на этот раз произошло?

— Так сегодня же двадцать второе июня, день начала Великой Отечественной войны, — напомнил ей мальчик, и Рита выдохнула с облегчением.

Ну конечно, как же она сразу не сообразила!

— Вожатые еще вчера во время ужина подкрутили радио во всех корпусах, ну кроме малышей, наверное... Вообще-то суровая побудка, хорошо, что нас Шварц зара-

нее предупредил. Борян всегда в курсе происходящего... Елки зеленые!

— Что?

Димка ловко ухватился за перила, взлетел обратно и приземлился рядом с Ритой. Она чуть попятилась, освобождая ему место.

— Борька просил предупредить вас, девчонок, только мы забыли! А Шварц стеснительный, сам к вам не сунулся. Да и отбой уже был.

— У нас все спят как ни в чем не бывало, — засмеялась девочка.

Ей в этот момент было необыкновенно хорошо, весело, и сердце билось звонко и радостно. Вот так стоять бы рядом с Димкой до подъема на теплых досках и вполголоса болтать обо всем на свете!

— Хорошие нервы у девчат, — улыбнулся Васильев. — А они что, не встают даже?

— А разве надо?

— А то! Сейчас вожатые примчатся, начнут пинками стогнать с коек. Они разожгли костер, будем сидеть вокруг него и петь военные песни. Также в программе встреча с ветераном и викторина на знание дат и событий. А еще чай, бутерброды и печеная картошка. И все это для того, чтобы для нас этот день стал незабываемым.

Рита выразительно вздохнула. Как будто кто-то из них и без сегодняшней ранней побудки забудет эту ужасную первую смену в лагере «Олимпиец»! Дима, кажется, ее понял, ухмыльнулся и сказал:

— Ладно, иди, поднимай девчонок. А то наш Игорек опять озверееет и весь день будет портить нам жизнь.

— Они мне не поверят, что нужно вставать, — поколебавшись, призналась Рита. — Давай лучше ты скажешь им?

Васильев не стал упираться, тут же шагнул к двери, встал к ней боком, приоткрыл и проорал в проем:

— Девчонки, подъем! Вставай, вставай, парадную форму наде-вай!

На его голос комната отреагировала мгновенно, кто-то взвизгнул, кто-то крикнул «ой, не входи!», а кто-то с шумом свалился с кровати. Рита услышала, как хриплым после сна и оттого особенно неприятным голосом завопила Мекалева:

— Эй, Димыч, поди сюда и помоги мне найти мои тру-у-усики!

— Вообще стыд потеряла, да?! — рывкнула на нее скромница Таня Логинова и, кажется, швырнула чем-то увесистым, потому что Мека захлебнулась от злобного визга.

Несколько девчонок в кое-как запахнутых халатиках выскочили на крыльцо и заголосили, перебивая друг друга: «Ой, Дим, а что сейчас будет? Костер? А ты будешь петь? А картошку печь будем? Ой, класс!» Осипову даже не заметили и едва не спихнули с крыльца. Что поделывать? В Диму Васильева была влюблена вся девичья часть их отряда. Вжатая поясницей в перила Рита лишь тихонько вздохнула. Ее золотое время на сегодня закончилось, едва ли еще выпадет минутка пообщаться с Димкой наедине — уж сегодня он точно будет нарасхват.

Вообще-то Рита Осипова ни в какую не хотела ехать в лагерь. Она никогда там прежде не была и не стремилась побывать, хотя многие одноклассницы с удовольствием ждали новой поездки, еще с весны гадали, удастся ли родителям раздобыть путевки. Но Рита всегда была домашней девочкой, только в кругу семьи чувствовала себя спокойно. У нее не было дедушек и бабушек в теплых краях, поэтому каждое лето родители брали поочередно отпуск, чтобы свозить детей, Риту и старшего Лешу, в Крым или в Белоруссию к дальней родне. Один месяц ребята про-

ПИОНЕРЫ НЕ УМИРАЮТ

водили в школьном лагере, да еще Алексей иногда брал сестру в походы или поездки с друзьями — родители ему доверяли.

Но в этом году все складывалось не так, непривычно и потому тревожно. Во-первых, приближалась Олимпиада в Москве. Отец служил в милиции, его заранее предупредили, что летнего отпуска не будет — нужно чистить Ленинградскую область от всяких тунеядцев, алкашей, бичей и прежде судимых элементов, а после следить в оба глаза, как бы они тихой сапой не просочились обратно.

Во-вторых, брата Лешу этой весной призвали. Правда, тут повезло, его не отправили куда-нибудь к черту на рога в другую республику, чего ужасно боялась мама, а оставили в воинской части их городка. Увольнительные не давали, но родители быстро разведали, как под покровом ночи подобраться к казарме, как вызвать сына к заветному окошку и какого размера готовить гостинцы, чтобы пропихнуть их сквозь частую оконную решетку. В свете возможной отправки части, в которой служит брат, в Афганистан — а мама белела всякий раз, когда думала об этом, — об отъезде из города не могло быть и речи. Так что чуть ли не с начала весны началась аккуратная обработка Риты ее родителями насчет поездки в лагерь.

— Просто чудо, какой современный пионерлагерь построил наш институт! — говорила мама с восторженным выражением на лице. — В кои-то веки не поспешил! Там и купальни для разных возрастов, и отличный песчаный пляж! Спортплощадки по последнему слову! И даже будет возможность принимать нормальный теплый душ пару раз в неделю!

Тут принципиальный отец забыл одобрительно улыбнуться, поиграл желваками и сердито обронил:

— Вообще-то позор, что в конце двадцатого века наши дети в лагерях ходят в дырку, моются холодной во-

дой неизвестного происхождения и на ней же им готовят еду.

— В какую еще дырку? — испугалась Рита.

— Да ладно, ничего страшного, — отмахнулась мама. — Ну это как у наших южных родственников во дворе, в дощатом домике, понимаешь? Но более цивилизная, не провалишься.

— Еще меньше мне нравится, что в этот домик они ходят через всю территорию в одиночку среди ночи, — окончательно помрачнел отец.

— Ой, да что такого может случиться в пионерлагере?

— Рассказать?

— Не надо, — тут же пошла на попятный мама. — Но ведь это в лесу, далеко от города. А этот лагерь обнесен высоким забором, два сторожа присматривают за территорией. Рядом только деревенька, да и там лишь пара дряхлых стариков.

Рите показалось, что слова мамы отца не слишком успокоили. Нужно было срочно воспользоваться этим и привлечь его на свою сторону. Она выдвинула подбородок и как можно решительнее заявила:

— Не хочу я в лагерь. Чем хуже школьный? Буду со всеми на экскурсии ездить, в кино ходить...

— Школьный не хуже, плохо другое, — начала заводиться мама, как видно, ощутив шаткость своей позиции. — Мне не нравится, что ты вечно одна, со своими книжками, в своей комнате, совсем мхом заросла. У девочки твоего возраста обязательно должны быть подруги.

— У меня была подруга, — напомнила ей Рита, горько вздохнув.

Она все еще грустила по веселой бесшабашной Ирке Терехиной, с которой дружила в четвертом и пятом классах, пока ее отца-военного не перекинули в очередной раз

куда-то очень-очень далеко. Даже письма от Ирки оттуда шли бесконечно долго, и в итоге их с Ритой переписка сошла на нет.

Мать, подбоченясь, сердито сверкнула глазами.

— Ну подруга, к счастью, — это не мама и не папа, не обязана быть одна на всю жизнь. Заведи другую!

— Можем в выходные съездить на Птичий рынок, поискать там по сходной цене, — хмыкнул отец и удостоился за это свирепого взгляда.

Рита знала, что мама на самом деле не злится, просто, по ее же выражению, «выпускает пар».

— В нашем классе все уже с кем-то дружат, еще с началки, — попыталась растолковать она. — Я со всеми в хороших отношениях, конечно, но...

— Вот и отлично, что я уже заказала путевку! Подружись с кем-нибудь в лагере, раз уж в классе всех разобрали. Все равно это будет девочка из нашего города. Станете потом гулять по выходным, ходить вместе в Дом пионеров или в бассейн. Между прочим, в нестандартных ситуациях дружба складывается быстрее и легче, чем в школе.

— В каких таких ситуациях? — окончательно струхнула Рита, даже кровь противно и тоненько запела в висках.

Мама, закатив глаза и шумно дыша, удалилась в кухню. Отец задумался, что-то припоминая, помассировал свой затылок, потом сказал:

— Ну у вас там будут всякие игры, эстафеты, соревнования между отрядами...

— Я не люблю соревноваться.

— Да, вот еще! «Зарница»! Это как «войнушка», только гораздо интереснее. Будете бегать с картой по лесу и искать штаб противника.

— Я плохо бегаю.